

И. Наживин

Пред рассветом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Наживин**
Пред рассветом / И. Наживин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 320 с.

ISBN 978-5-517-98540-8

ISBN 978-5-517-98540-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

На живъ народкой.

Вдала заливался малиновымъ звономъ колокольчикъ... Все ближе и ближе онъ, — значить, къ училищу ѣдутъ. Ребята заволновались, вытягивая шею, чтобы заглянуть въ окна. Послышался возбужденный шопоть.

— Директоръ... Инспекторъ... Ишь ты! Онъ недавно былъ, не пріѣдетъ... Не пріѣдетъ! Тебя спрашивать станетъ!

— Ну, что еще не сидится?.. — окрикнулъ ихъ Сергѣй Ивановичъ, а самъ, одергивая свой пиджачекъ и поправляя невольнымъ жестомъ волосы, думалъ:—неужели, въ самомъ дѣлѣ, директоръ?..

И его сердце неприятно билось: въ немъ, какъ во всякомъ „маленькомъ человѣкѣ“ деревни, звонъ колокольчика возбуждалъ робость, опасливыя думы и чувства, очень смутныя, неопредѣленныя, а оттого еще болѣе тяжелыя.

Въ это время колокольчикъ звякнулъ въ послѣдній разъ и замеръ на высокой жалобной нотѣ: тройка стала у училища. Внизу слышался

топотъ тяжелыхъ ногъ,—то пробѣжаль сторожь Матвѣй встрѣтитъ пріѣзжаго.

Учитель, еще разъ прикрикнувъ на волнованныхъ ребятъ и всячески стараясь скрыть охватившее его самого волненіе, строгимъ голосомъ продолжалъ урокъ, дѣлая большія паузы между фразами, чтобы послушать, что происходитъ внизу.

— Не лучше ли выйти?.. Не обидѣлся бы... — мелькнуло у него въ головѣ, но тотчасъ же онъ прибавилъ со злостью:—ну его къ чорту... Скажу, что не слыхалъ...

Дверь въ классъ отворилась и на порогѣ появился высокій, плотный мужчина въ черномъ, не первой молодости, сюртукѣ и въ рубашкѣ „фантазія“. Во всей фигурѣ гостя, въ самой позѣ его сказывалось сознаніе своей силы, полная увѣренность въ себѣ, безграничное самодовольство. Казалось, что даже большой носъ его, его заплавленные глаза, его упрямый, крупный ротъ, его козлиная русая бородка, казалось, все это, даже взятое въ отдѣльности, вѣско заявляло о своей гордости, о своемъ счастьѣ принадлежать такому важному, хорошему, умному человѣку. Мало того, даже синіе помпоны его „фантазіи“, и тѣ были преисполнены самодовольства и то и дѣло съ достоинствомъ вздрагивали, точно приглашая всѣхъ полюбоваться ими и ихъ несравненнымъ владѣльцемъ.

У учителя сразу отлегло отъ сердца.

— Встаньте! — какъ-то черезчуръ поспѣшно, громко и торжественно провозгласилъ онъ.

Дѣти зашумѣли, вставая.

— Здравствуйте, здравствуйте, ребята... Ну, садитесь... Здравствуй, Сергѣй Ивановичь... Какъ Богъ милуетъ?..

— Вашими молитвами... Пожалуйте...

— Ну, нашими молитвами долго не проживешь... Э-хе-хе...—вдохнулъ гость, садясь на предложенный учителемъ стулъ.—А у васъ тутъ тепло...

Это былъ строитель и попечитель школы Кузьма Лукничъ Носовъ, богатый купецъ „изъ губерніи“, вышедшій въ люди изъ крестьянъ этой деревушки. Дѣтъ тридцать тому назадъ ушелъ онъ отсюда на заработки, на Волгу, долго пропадалъ безъ вѣсти, потомъ вдругъ вернулся уже богатымъ. Какъ онъ разбогатѣлъ, никто не зналъ; какъ всегда въ такихъ случаяхъ, говорили, что тутъ не безъ грѣха: одни утверждали, что онъ поддѣлывалъ купоны или сторублевки, другіе, что богатую купчиху, свою любовницу, „ощелъ“, третьи, что человекъ убилъ. Но эти слухи шучуть не помѣшали Кузьмѣ Лукничу стать купцомъ первой гильдіи, думскимъ воротилой, соборнымъ старостой. Сознавая силу своего голенища, Кузьма Лукничъ жилъ теперь во всю ширь своей патуры и не стѣснялъ себя ни въ чемъ. Въ своихъ амбарахъ, въ соборѣ, въ думѣ это былъ елейный смиренникъ, святоша, „дѣляга“, въ семьѣ—неограниченный владыка, предъ которымъ все трепетало и падало ницъ. Иногда на него находилъ вдругъ „стихъ“—„возжа подъ хвостъ попадала“, какъ го-

ворили купцы, — и онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, кутя съ „дѣвочками“, устраивая „аэни-скіе вечера“, пропивая сотни и тысячи рублей. Потомъ „стихъ“ проходилъ, и Кузьма Лукичъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вновь появлялся у своего свѣчпого ящика въ соборѣ, съ пріятной улыбочкой раскланивался съ знакомыми, полушопотомъ обмѣнивался съ ними замѣчаніями о погодѣ, восхищался дякопскою октавою, справлялся о ихъ „здравіи“, почтительно принималъ ихъ порученія поставить свѣчи Владычицѣ, Нерукотворенному и Николаю Угоднику, — всѣмъ по пятаку, — тихонько позванивая, ходилъ съ блюдомъ и опять раскланивался, и опять улыбался, такой почтешный, кроткій, благообразный. За это вотъ умѣнье „не путать дѣло съ бездѣльемъ“ Кузьма Лукичъ и пользовался всеобщимъ почетомъ. Онъ принималъ этотъ почетъ, какъ должное, и въ минуты попаданія возжи подъ хвостъ всячески издѣвался надъ людьми, утверждая, что они свиньѣ, грязной свиньѣ изъ поганого закута кланяться въ ноги будутъ, если у ней деньги заведутся, что деньгами отъ нихъ всего можно добыться, что всѣ они мразь, гадины, сволочь...

— „Силы въ емъ, какъ въ паровикѣ, много... Ходу она просить...—говорили о немъ купцы.— Вотъ онъ и колобродитъ...

Силы въ Кузьмѣ Лукичѣ, дѣйствительно, было много, всю ее онъ не могъ растратить въ соборѣ, въ лабазѣ, на биржѣ, въ думѣ, — тѣмъ болѣе, что

онъ тамъ былъ вождемъ сильной, но пассивной оппозиціи,—и онъ скучалъ, какъ всѣ скучаютъ на Руси. Одни стараются обмануть эту скуку воскресными школами, другіе винтомъ, третьи тотализаторомъ, четвертые водкой и дѣвочками, пятые Шаляпиннымъ или дьяконской октавой... Это помогаетъ, но не надолго...

Лужковскую школу Кузьма Лукичъ выстроилъ лѣтъ пять тому назадъ, чтобы имѣть „крестъ“— „серебряная“ и „золотая“ давно были у него, не говоря уже о всякихъ „дипломахъ“ и „благодарностяхъ“ въ золоченыхъ рамкахъ. Отдавъ школу земству, онъ, тѣмъ не менѣе, содержалъ ее на свой счетъ и за это его назначили ея попечителемъ. Этотъ новый титулъ придалъ ему еще больше благообразія и степенности, несмотря даже на то, что вскорѣ послѣ полученія креста онъ „вывернулъ тулупъ“, заработавъ этимъ способомъ сотняжку, другую тысячъ.

Въ дѣла школы Кузьма Лукичъ совсѣмъ не вмѣшивался, ограничиваясь лишь выдачей необходимыхъ суммъ. Изрѣдка онъ все-таки заглядывалъ въ нее: ему льстило, что его бывшіе одноклассники, сверстники, стоятъ предъ нимъ безъ шапокъ, зовутъ его „батюшкой“ и „благодѣтелемъ“, увѣряютъ его, „что ты, вѣдь, у насъ одно слово, енараль, а то и выше...“ Нравилось ему и торопливое „встаньте“ учителей, когда онъ входилъ въ классъ, и раболѣпніе сторожа Матвѣя, со сладострастіемъ, съ восторгомъ ползавшаго по

грязному полу, смахивая пыль съ его ярко начищенных сапогъ. Правилось ему платить людямъ за ихъ пресмыканіе презрѣніемъ, и онъ платилъ открыто, не стѣняясь. Онъ чувствовалъ себя здѣсь властелиномъ, сверхчеловѣкомъ, полубогомъ.

Разъ,—это было года два тому назадъ,—онъ прикатилъ сюда съ „дѣвочками“ и чертилъ здѣсь цѣлыхъ три дня: здорово его захлестнула возжа тогда. Онъ приказалъ учителямъ распустить учениковъ, спойлъ всѣхъ мужиковъ, кричавшихъ ему „ура“ съ утра до вечера, пѣлъ, пилъ, плясалъ и издѣвался надъ какою-то „сволочью“... Эта исторія надѣлала много шума; въ земствѣ были запросы, горячія пренія—у него и тамъ были поклонники и защитники,—кто-то куда-то о чемъ-то доносилъ, заявлялъ, кто-то отказывалъ, настаивалъ, возмущался... И шумѣли, шумѣли... И вдругъ раздалось величественное, истинно-русское: „цыцъ!“... Моментально съ forte шумъ перешолъ на piano—мелодія осталась та же, но уже шла подъ сурдинами—потомъ на pianissimo, потомъ совсѣмъ стихла и—все осталось „по хорошему“, по прежнему: худой миръ лучше доброй ссоры. По прежнему каждую весну ребятамъ раздавали похвальные листы и по прежнему на этихъ листахъ, вмѣстѣ съ другими, красовалась подипись: „попечитель училища N—ай первой гилдии купецъ и потомственной почетнай гражданинъ Кузьма Лукинъ Носовъ“.

„Носовъ“ было введено лишь два года тому на-

задъ,—раньше было „Носафъ“: Кузьма Лукничъ долгое время былъ сторонникомъ фонетическаго правописанія.

Урокъ продолжался. Сергѣй Ивановичъ строже обыкновеннаго спрашивалъ ребятъ, видимо, желая „подтянуть“ ихъ, показать попечителю товар. лицомъ. Попечитель сперва внимательно слушалъ сбивчивыя объясненія ребятъ, какъ одинъ купецъ купилъ бѣлаго сукна столько-то аршинъ, а другой чернаго—вдвое больше, какъ они расторговались этимъ сукномъ, и какъ первый почему-то получили очень странный барышъ, а второй совсемъ невѣроятный убытокъ.

— Вотъ такъ наука! — насмѣшливо подумалъ Кузьма Лукничъ и зѣвнулъ.

На учителя пахнуло ароматомъ перегорѣлой водки. Онъ внимательно посмотрѣлъ на Кузьму Лукнича и тутъ только замѣтилъ, что подъ глазами попечителя повисли припухлые мѣшки, что самые глаза нѣсколько красноваты и усталы, что все лицо его измято, сонно,—точно Кузьма Лукничъ недавно съ постели всталъ.

— Неужели опять?—подумалъ онъ, осторожно косясь на попечителя.

А тотъ опять зѣвнулъ, совсемъ откровенно, какъ зѣваетъ человекъ у себя дома, гдѣ ему ничего стѣсняться.

— Отпустилъ бы ты ихъ... — просительно сказалъ онъ.—Я Матвѣю самоваръ приказалъ поставить... Чайку попьемъ... А?..

— Что же, можно...—отвѣчалъ учитель. — Вотъ кончимъ арифметку и...

— Ну, и отлично... А я пока къ другимъ пойду...

И, тяжело поднявшись со стула, Кузьма Лукичъ лѣнивой походкой направился въ другой классъ, черезъ сѣни. И тамъ опять почтительно-торопливое „встаньте“, опять вопросы о здоровьѣ и опять урокъ: сбивчивый, монотонный рассказъ дѣвочки о трехдневномъ пребываніи Іоны во чревь китовомъ. Черезъ четверть часа опять зѣвокъ и—по лѣстницѣ радостно загрохотали ноги распущенныхъ ребятъ старшаго отдѣленія...

— И ты отпусти...—сказалъ Кузьма Лукичъ.— А мы чай пить пойдёмъ...

Онъ всегда „тыкалъ“ учителей — „по-просту“, „по-русски“...

Петръ Петровичъ, учитель, сильно, до волосъ, покраснѣлъ почему-то и, точно сердясь, приказалъ:

— Молитву...

Черезъ минуту къ классѣ уже никого не было.

— Такъ-то вотъ лучше будетъ...—зѣвнулъ Кузьма Лукичъ. — Пойдемъ-ка внизъ. Чай, самоваръ давно готовъ...

Училище было двухъэтажное, каменное. Вверху помѣщались два большіе свѣтлые класса, внизу кухня и двѣ просторныхъ квартиры учителей. Кузьма Лукичъ, добивался креста, не жалѣлъ денегъ. Его училище было лучшимъ не только въ

уѣздѣ, а, пожалуй, и во всей губерніи, и онъ очень гордился этимъ, какъ и всѣмъ, что онъ дѣлалъ, говорилъ, строилъ, думалъ...

Быль свѣжій, но тихій, ведренный осенній день. Расторопный Матвѣй,—ему всегда перепало въ пріѣзды попечителя,—уже накрылъ „на воздухѣ“ столъ и стоялъ павытяжку около самовара, пускавшаго цѣлыя облака бѣлаго пара.

Всѣ сѣли за столъ.

Кузьма Лукичъ окинулъ глазами стаканы, кувшинъ съ молокомъ, баночку варенья, ситный на тарелкѣ...

— Что же ты это, братъ Матвѣй, больно по великопостному чай-то приготовилъ? — обратился онъ къ сторожу.—А?.. Это не рука, братъ... Поди-ка, принеси мою корзиночку, дѣло-то складнѣе будетъ...

— Не осмѣлился-съ, Кузьма Лукичъ... Хе-хе-хе... Безъ приказанія какъ можно-съ?..—заюлилъ и заулыбался Матвѣй.—Хе-хе-хе... Я въ одинъ моментъ...

— Тащи!

Корзинку поставили на столъ и Кузьма Лукичъ самолично принялся разгружать ее, сопровождая дѣло разными списходительными шуточками и прибаутками... Онъ замѣтно оживился...

— Вотъ это рябиновочка, моя голубушка... А это вотъ шампанское—чѣмъ ворота запирають. А вотъ это смирновочка, нумерь сороковой, по благородному скажемъ: проствейнъ. Это колбаска...

Московская, первый сортъ... Держи, Матвѣй, на таѣлку... А это что? А-а, омары... Дѣло... Омары, это хорошо... Поставь ихъ туда, Сергѣй Ивановичъ, чтобы не мѣшали... Такъ...

Изъ корзины была постепенно выпута цѣлая батгарея бутылокъ всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ, и наименованій. Закуски аппетитно просвѣчивали сквозь тонкую бумагу и наполняли свѣжій осенній воздухъ своимъ острымъ, раздражающимъ ароматомъ.

У Сергѣя Ивановича разгорѣлись глаза — онъ былъ не дуракъ выпить. Петръ Петровичъ, другой учитель, все краснѣлъ и изрѣдка почему-то едва замѣтно хмурился.

— Ну-ка, Господи благослови, махнемъ по-первой...

— Первая коломъ, вторая соколомъ...—подсказалъ Сергѣй Ивановичъ и ловко выпилъ свою рюмку.

Сергѣй Ивановичъ былъ старшимъ учителемъ. Четыре года тому назадъ онъ кончилъ семинарію и тотчасъ же спокойно и осторожно началъ ощущивать почву во всѣхъ направленіяхъ: куда ему идти? Сынъ деревенскаго дьячка, онъ съ дѣтства познакомился съ жестокой бѣдностью, долги лишения озлобили его, и онъ твердо рѣшилъ такъ или иначе выбиться. Здоровый, крѣпкій и красивый парень, онъ обладалъ солидными аппетитами и достаточной силой, чтобы удовлетворить ихъ. Сперва онъ рѣшилъ было избрать духовную карьеру, но потомъ передумалъ и сталъ ждать